

Морские зверобои Чукотки

Введение	2
Берингов пролив и Восточная Чукотка. Очерк региона	2
Общие сведения	2
Природные комплексы	4
Наземные ландшафты	4
Ледовые ландшафты	4
Коренные народы и морская зверобойная культура	6
Азиатские эскимосы-юпик	7
Береговые (приморские) чукчи	7
Охотники и оленеводы	8
Живущие лицом к морю	9
Растительный и животный мир и традиционное природопользование	11
Морские звери	11
Белый медведь	13
Наземные звери	13
Священные животные	13
Рыбы и беспозвоночные	14
Птицы	14
Растения	15
Промысловое снаряжение	15
Традиционное оружие и личное снаряжение	15
Одежда	16
Средства передвижения	16
Лодки и собачьи упряжки	16
Байдара	16
Вельбот и металлические лодки	17
Ездовые собаки	17
Охота на моржа	17
Духовные и культурные традиции	18
Священные кости и камни	19
Традиции в современной жизни	20
Жители Чукотки об изменении климата	21
Источники	24
Об авторах	26

Введение

На стыках Атлантического и Тихого океанов с бассейном Ледовитого океана независимо друг от друга, но примерно в одно и то же время, более четырех тысячелетий назад, возникли и стали успешно развиваться две главные морские культуры Арктики: в Северной Атлантике – скандинаво-поморская, в Северной Пацифике – эскимосская.

Обе культуры распространялись по арктическим побережьям. Скандинаво-поморская – на запад, вплоть до Исландии, и в определенный период, до Гренландии, а ее поморская (российская) ветвь – на восток, вдоль арктического побережья Евразии, смешиваясь там с береговыми культурами коренных народов Сибири и Северо-Востока Азии. Эскимосская культура из района Берингова пролива распространялась главным образом на восток и постепенно охватила все арктические районы Северной Америки (включая Канадский арктический архипелаг) и Гренландию, сменив и отчасти слившись там с морской культурой скандинавов. Азиатская (российская) ветвь морской зверобойной культуры Берингова пролива представляет собой вполне самобытную часть общей культуры охотников на китов, моржей и тюленей – самой северной культуры самых северных народов мира.

В течение многих веков обе культуры создавали свои уникальные системы жизнеобеспечения. Важно отметить, что каждая из этих морских культур сформирована народами разного происхождения (этногенеза), говорящими на языках, принадлежащих к разным языковым семействам.

В современной России представлены обе арктические культуры. В Западном секторе Арктики это комплексная морская культура поморов Баренцева и Белого морей, в Восточном секторе – морская зверобойная культура азиатских эскимосов и береговых чукчей Чукотки. О ней мы и будем говорить дальше.

Берингов пролив и Восточная Чукотка. Очерк региона

Общие сведения

Так выглядит в наше время место соединения вод Тихого и Ледовитого океанов, разделяющее два континента – Азию и Северную Америку. Но подобная картина существовала не всегда. На протяжении последнего

миллиона лет Северо-Восточная Азия и Северная Америка неоднократно соединялись сухопутным – Берингийским – мостом. Эта своеобразная территория, сейчас наполовину скрытая морем, получила научное название «Берингия». Восемнадцать тысяч лет назад ширина сухопутного моста составляла более 1000 км, а уровень воды в разделенных им Тихом и Северном Ледовитом океанах был ниже современного примерно на 90 метров.

Потепление климата и подъем уровня океана начались около четырнадцати тысяч лет назад, и морские воды постепенно поглотили центральную часть сухопутного моста, оставив от нее лишь несколько островов в северной части Берингова моря. Так возник Берингов пролив и окружающие его приморские территории. Азиатская область Берингии – прибрежные территории и морские пространства западной части Берингова моря – получили название «Российская Берингия».

Ширина Берингова пролива в самом узком месте, между мысом Дежнёва (Чукотка) и мысом Принца Уэльского (Аляска), всего 85 км. В проливе расположены острова Диомида: Большой Диомид (остров Ратманова) принадлежит России, Малый Диомид (остров Крузенштерна) – это территория Аляски (США). Берингов пролив впервые был пройден экспедицией С. Дежнёва и Ф. Попова в 1648 г., вторично – экспедицией В. Беринга в 1728 году. Американский берег пролива открыла в 1732 году экспедиция И. Фёдорова и М. Гвоздева.

Исключительное географическое положение на стыке двух континентов и двух океанов превратило регион Берингова пролива в своеобразный миграционный коридор наземных и морских организмов из различных областей нашей планеты. В целом, природные комплексы Берингова пролива представляют уникальный блок биосферы, который оказывает воздействие на многие процессы и явления, происходящие на Земле.

В азиатской части региона морская зверобойная культура представлена Регион Берингова пролива на побережье Восточной Чукотки. Южнее, у береговых коренных жителей Корякии и Камчатки, сохранились лишь некоторые ее черты, но главным образом только предания о ней, подкрепленные историческими и археологическими материалами.

Природные комплексы

Результаты биологических исследований последних 50–60 лет показали, что Чукотский полуостров и прилегающие к нему участки внутренних морских вод и территориального моря России выделяются в Арктике необычайно высоким уровнем биологического разнообразия и продуктивности морских и прибрежных экосистем. Именно это стало основой для возникновения и расцвета в этом регионе морской зверобойной культуры эскимосов и чукчей.

Наземные ландшафты

Восточная Чукотка – это приморская среднегорная территория с разнообразными ландшафтами, заметно обособленная от материковой Чукотки. Геологические образования представлены структурами различного возраста, от древних архейских горных пород до четвертичных отложений.

Интенсивная геологическая жизнь Восточной Чукотки продолжается и в наши дни: об этом свидетельствуют частые землетрясения, большое количество радоновых источников и относительно быстрое опускание в море береговой полосы.

Ледовые ландшафты

Каждый год осенью вдоль побережий арктических морей начинается формирование уникальной природно-экологической системы – прибрежного ледового ландшафта, с которым связана жизнь многочисленных биологических видов – беспозвоночных, рыб, птиц и «льдолюбивых» морских зверей: белых медведей, тюленей, моржей и китов.

В местах, где люди (в нашем случае, эскимосы и чукчи) в течение многих веков выходят на лед для охоты и передвижения, формируется свой уникальный «ледовый» культурный ландшафт. С ним связаны особые местные названия, народные знания, устойчивые ориентиры и даже видимые следы человеческой деятельности.

Этот ледовый культурный ландшафт уникален тем, что он полностью исчезает с весенне-летним таянием льдов и вновь восстанавливается следующей зимой. Так происходит много веков подряд, из поколения в поколение. Созданный под действием могущественных природных процессов, ледовый культурный ландшафт поддерживается такими хрупкими силами как человеческая память, особые виды деятельности, преемственность культурного знания. С утратой всего этого он снова

превращается в безбрежную ледовую пустыню: без присутствия человека покрытая торосами безбрежная даль замерзшего моря – просто «дикий лед».

Культурный ландшафт морских льдов – уникальное природно-культурное явление. Это также особое мировое достояние, созданное и сохраненное знанием, опытом и упорством аборигенных народов, живущих вдоль «ледовитого» моря. Для жителей берегов сезонно замерзающих полярных морей прибрежный лед никогда не был непроходимым барьером. Напротив, как океан для мореплавателей, он соединял живущие здесь общины, создавал удобную поверхность для охоты, передвижения, быстрого сообщения и культурного обмена между близкими и далекими поселениями.

Ледовый культурный ландшафт имеет свою историю, его древность исчисляется многими сотнями лет. Об этом свидетельствуют аборигенные термины для разных видов морского льда, которые у эскимосов появились как минимум 2000 лет назад. Традиционные эскимосские санные пути по льду («ледовые дороги»), соединяющие ближние и дальние арктические поселки, существуют на протяжении многих веков.

Как и суша, используемое ледовое пространство покрыто густой сетью названий, ориентиров, перекрестков, традиционных мест встречи или отдыха, участков той или иной деятельности. Для национальных общин, использующих лед в зимние месяцы, он становится пространством, с которым связана богатая устная традиция. В нее включаются личные истории, воспоминания, песни, легенды, описания путей, а также представления о сверхъестественных и мифологических существах, связанных с морскими льдами.

Вместе с тем, морской лед – это ежегодно исчезающий феномен, разрушающийся как физически, так и культурно.

В наши дни он находится под двойной угрозой, под угрозой с двух сторон: в силу быстрого изменения климата Арктики и за счет утраты языков и культурного наследия ее коренных жителей. И если спасти морские льды Арктики может только новое похолодание климата или сознательные усилия жителей всей планеты, то поддержать исчезающие знания малочисленных северных народов – задача самих аборигенных общин и специалистов по культурному наследию.

Местные особенности использования природных ресурсов свойственны и дополнительным способам жизнеобеспечения – рыболовству, наземной охоте, собирательству. Они проявляются в своеобразии промыслового снаряжения и одежды, устройстве жилищ и системе размещения сезонных охотничьих и рыболовных стоянок.

Вплоть до 1940-х гг. береговых поселков на Восточной Чукотке было намного больше, чем сейчас, а значит было больше и местных, локальных культур. Иными словами, уровень культурного разнообразия был выше, и именно это разнообразие обеспечивало устойчивое существование морской зверобойной культуры Чукотки на протяжении веков и тысячелетий.

Коренные народы и морская зверобойная культура

Богатство природы и удобные для промысла места концентрации китов, ластоногих, птиц и рыб с давних времен привлекали в этот регион племена древних охотников. По Берингийскому мосту и через Берингов пролив много раз происходили переселения людей с одного континента на другой.

Принято считать, что именно этим путем 12–15 тысяч лет назад шли из Азии предки индейцев Северной Америки. Благодаря своему уникальному географическому положению Восточная Чукотка и Западная Аляска свыше 10 тысяч лет играли выдающуюся роль в истории азиатско-американских контактов человечества. Древние и ныне существующие народы оставили здесь многочисленные археологические памятники.

Несколько тысячелетий назад на берегах и островах Берингова пролива родилась морская зверобойная культура эскимосов, которая затем в азиатской части Берингии была воспринята пришедшими сюда чукчами. Восточная Чукотка – уникальный регион не только России, но и всей Евразии: нигде более на этом суперконтиненте морская зверобойная культура не получила такого мощного развития.

В наши дни эта культура сосредоточена главным образом на участке побережья между двумя поселками – Уэлькаль у входа в залив Креста (Анадырский залив в северо-западной части Берингова моря) и Ванкарем на побережье Чукотского моря. На этом пространстве проживает сейчас около 15 тысяч человек; они живут в 15 поселках, где продолжают традиционный промысел морского зверя.

Азиатские эскимосы-юпик

Эскимосы (инуиты и юпик) – собирательное название для примерно 150 тысяч коренных жителей арктической зоны, от Берингова пролива до Гренландии, которые имеют общее происхождение и говорят на близкородственных языках и диалектах. На российской стороне Берингова пролива живут азиатские эскимосы-юпик (по их самоназванию – «юпик»). Современная численность этого народа в России – около 1800 человек. Несмотря на свою малочисленность, до конца XX века они говорили на трех разных языках (чаплинском, науканском, сиренинском – от названия трёх посёлков), принадлежащих одной языковой группе. У небольшой общины эскимосов-инуитов, которые жили в прошлом на острове Ратманова, был свой язык, относящийся к другой языковой группе.

В начале XX века на Чукотке было пять крупных и несколько более мелких эскимосских общностей со своими поселками и традиционными территориями. На долю каждой из этих общностей в советское время выпала целая череда переселений, закрытий и «слияний». В результате из 19 эскимосских селений Чукотки, существовавших в начале XX века, к настоящему времени остались только три: Уэлькаль, Сиреники, Новое Чаплино. Но культурные и отчасти языковые различия между традиционными общинами, особенно между чаплинцами, науканцами и сиренинцами, продолжают сохраняться и в наши дни.

Береговые (приморские) чукчи

Традиционное социальное устройство береговых (приморских) чукчей, к сожалению, почти не изучалось со времен исследований В.Г. Богораза в 1890–1901 гг. По всей вероятности, береговые чукчи в конце XIX – начале XX в. тоже были организованы в устойчивые общины численностью 150–400 человек. Особенностью чукотских береговых общин, по сравнению с эскимосскими, была их «открытость» для брачных и производственных связей с тундровыми чукчами-оленеводами. В трудные годы некоторые жители береговых поселков переселялись в тундру к своим родственникам, а из тундровых стойбищ обедневшие олениводы выходили на берег и присоединялись к морским охотникам.

Охотники и оленеводы

Эскимосские и чукотские сообщества морских охотников соблюдали общие правила природопользования, поддерживали тесные родственные и торговые связи между соседними поселениями и в целом вдоль побережья. Многие семьи имели родственников или «побратимов» не только в соседних, но и в дальних поселках, что обеспечивало обмен информацией, опытом и культурными новшествами вдоль всего побережья.

Особо следует отметить традиционные для Российской Берингии взаимоотношения морских охотников и оленеводов. Помимо того что чукчи-морские охотники и чукчи-олeneководы связаны родственными узами и общим языком, между оленеводческими (чукотскими) и береговыми общинами, как чукотскими, так и эскимосскими, существовали и до сих пор существуют традиционно крепкие отношения взаимопомощи.

Чукотский полуостров – зона рискованного оленеводства: близость моря с зимней «открытой» водой нередко оборачивается гололедом на зимних пастбищах в прибрежной полосе. Особенно страдают участки, которые находятся непосредственно вдоль морского побережья. В такие трудные годы морские охотники всегда приходят на помощь оленеводам. В свою очередь, в прошлом оленеводы буквально спасали от голодной смерти общины морских охотников в тяжелые зимы, когда по разным причинам был невозможен промысел морского зверя.

Но кроме помощи в экстренных ситуациях, у морских охотников и оленеводов бытует традиция регулярных ежегодных обменов продукцией. В прошлом эти обмены были приурочены главным образом к летнему (августовскому) и ранне-осеннему (сентябрьскому) забоям оленей. Для обмена береговые жители готовили *атымнат* – шкуры нерп, лахтаков (морских зайцев), жир и сушеное мясо морских зверей, белужьи жилы для ниток, лахтачью кожу для подошв, лахтачьи ремни для арканов (*чаатов*), торбаза, сшитые из нерпичьих шкур. Взамен они брали у оленеводов оленье мясо и сало, оленьи жилы, *камус* (особо прочная шкура с ног копытных животных), готовые чижи, кухлянки и штаны из оленьих шкур и торбаза из оленьего камуса. У эскимосов-чаплинцев есть даже специальные слова для таких поездок: *аки* – «едуший или идущий в южную сторону»; *аки гакук* – «едет в южную сторону для обмена с чукчами-олeneводцами».

Живущие лицом к морю

«Морские охотники никогда не прятались от моря, они селились не в глубине заливов и бухт, где спокойней, а у открытого моря, на поворотных мысах, – там, где ветры, течения и зимой разгоняют лед, где киты и моржи подходят близко к берегу. Охотник всегда в ожидании зверя. Даже если по берегу просто идет, на море смотрит, всё замечает. Всегда к морю лицом старается быть».

Людмила Айнана, посёлок Провидения, 1989 г.

Система размещения береговых селений говорит о способности древних охотников грамотно (или, говоря по-научному, экологически грамотно) распределять промысловую нагрузку на популяции животных, а также снижать антропогенные воздействия на хрупкие, малоустойчивые природные комплексы Арктики, прежде всего на почвенно-растительный покров. Чтобы достичь этого, морские охотники Чукотки при создании стационарных поселений соблюдали три условия.

(1) Селения располагались на стыках экологических систем (экосистем), где биологическое разнообразие и продуктивность природных комплексов всегда особенно высоки, а энергетические затраты охотников на их добычу минимальны.

При снижении продуктивности одного вида биологических ресурсов, жители могли усилить промысловую нагрузку на другие виды. Так, в периоды низкой численности морского зверя на первый план выходили рыболовство, охота на птиц, собирательство, включая сбор яиц на птичьих базарах.

(2) Зимняя «открытая» вода – необходимая природная (естественная) основа возникновения морской зверобойной культуры в регионе Берингова пролива.

Традиционно поселения охотников на китов и ластоногих всегда возникали около зимней «открытой» воды, то есть у постоянных полыней, ледовых трещин и участков моря с подвижным ледовым покровом. Доскональное знание особенностей ледового режима позволяло коренным жителям Чукотского полуострова вести круглогодичный промысел морского зверя.

Самая обширная у берегов Восточной Чукотки Сиреникская полынья в наши дни «кормит» зимой жителей четырех поселков (Уэлькаль, Эмелен, Нунлигран, Сиреники), а прежде на этом отрезке берега существовало более 30 селений. Они располагались более или менее равномерно и дополнялись сезонными охотничьими и рыболовными стоянками.

- (3) Равномерное размещение вдоль побережья небольших селений и сезонных охотничьих стоянок способствовало равномерному распределению промысловой нагрузки на популяции морских зверей и уменьшению антропогенного воздействия на окружающую среду. Даже в местах с богатыми природными ресурсами обычно создавался не один крупный посёлок, а несколько, на некотором удалении друг от друга, самостоятельных селений с небольшим количеством жителей: обычно 40–60 человек, редко свыше 100–120.

Особо следует сказать о селениях на поворотных мысах, которые для всех морских охотников Арктики являются стратегически важными местами. С поворотных мысов просматриваются обширные морские пространства, именно к ним близко подходят киты, моржи и тюлени во время своих сезонных миграций. Эти мысы играют важную роль в формировании биологического разнообразия и продуктивности морских и прибрежных экосистем. Азиатские, американские и гренландские эскимосы почитают каждый поворотный мыс и называют его «место, где все становится ясным».

На поворотных мысах обычно создавались парные селения – на каждой его стороне. Если погода и ледовые условия были неблагоприятны для охоты с одной стороны мыса, охотники переходили на другую его сторону. В целом, обо всей восточной части Чукотского полуострова можно сказать, что это один огромный поворотный мыс, разделяющий Тихий и Ледовитый океаны. Развалины жилищ и селений морских охотников, их культовые сооружения обычно хорошо видны на местности, благодаря белым «столбам», сделанным из нижних челюстей гренландских китов. К сожалению, сейчас руины древних селений разрушаются под воздействием естественных эрозионных процессов и тектонической активности береговой полосы, которая буквально «на глазах» опускается в море.

Исчезновению культурного наследия древних морских охотников активно помогают и люди. Руины селений и культурные слои, содержащие большое

число уникальных предметов искусства, уничтожаются при строительстве практически во всех современных поселках, их грабят «черные археологи», по ним ездят на вездеходах и т. д. Но и в наши дни Чукотский полуостров пока еще представляет собой огромное «месторождение» древних селений, культовых сооружений и погребений, многие из которых имеют мировое значение.

Растительный и животный мир и традиционное природопользование

Морские звери

Прибрежные морские пространства Восточной Чукотки – это грандиозное поле нагула большого количества рыб, птиц, морских млекопитающих, которые представлены здесь 6 видами ластоногих (морж и тюлени) и 13 видами усатых и зубатых китов и дельфинов. Семь видов китообразных взяты под международную охрану – это гладкие киты (гренландский, японский); полосатики (синий кит, финвал, горбач); калифорнийский серый кит, нарвал. Кроме того, японский кит, кашалот и нарвал – виды, находящиеся на границах своих ареалов, а дельфин белокрылая морская свинья и полосатый тюлень (крылатка) – эндемики Северной Пацифики, т.е. они обитают исключительно в этом регионе. Все пять видов ластоногих, серый и гренландский киты, а также белуха являются промысловыми животными морских охотников Чукотки. Именно эти звери дают коренным жителям основное количество белковой пищи и высококачественного жира.

В древности жители Восточной Чукотки особенно ценили и почитали гренландского кита – один кит мог прокормить и обогреть небольшой поселок в течение всей долгой полярной зимы.

«Я думаю, бог или еще кто-то там, наверху, гренландского кита сделал специально для нас. В древности без него не выжить. Он и дом, и еда, и корм для собак, и тепло для людей. Потом на китов глядеть очень интересно, но, главное, полезно и необходимо, чтобы полноценным человеком и охотником стать. Киты дают нам спокойствие и красоту жизни».

Николай Гальгаугье, Сиреники, 1981 г.

В настоящее время для коренных жителей Восточной Чукотки главным объектом китобойного промысла является серый кит, который значительно

уступает по длине и массе тела гренландскому киту (максимальные размеры - 15,5 м и 35 т), но он более многочислен и доступен.

Мясо гренландского кита можно заквашивать на зиму в полуподземных мясных ямах, но с мясом серого кита этого делать нельзя – оно гниет, и потому его хранят в своеобразных холодильниках, вырытых в вечной мерзлоте. Кожа со слоем жира обоих видов китов (по-эскимосски – *мантак*) – любимая пища коренных жителей, ее едят в сыром и вареном виде.

В тундрах Восточной Чукотки кости гренландского и серого китов долгое время были основным строительным материалом. Из них возводились сушила для лодок-байдар, помосты для различных хозяйственных нужд, культовые и погребальные сооружения, но главное – из них строились жилища.

Еще один промысловый вид китообразных – белуха.

Главным объектом промысла морских охотников Чукотки был и остается морж. В старину эскимосов так и называли – «моржовый народ», потому что трудно было найти область их хозяйственной деятельности, где не использовалась бы продукция, получаемая от моржей. Для еды добывают молодых самцов, поскольку мясо старых зверей слишком жесткое, а кожа передней части тела покрыта особыми шишками, твердыми, как камень, за что они получили прозвище «шишкарки». У старых моржей ценятся большие, до метра длиной, бивни (моржовые клыки) – исключительно прочный материал для изготовления всевозможных бытовых предметов при остром дефиците дерева в безлесной тундре.

Среди четырех видов тюленей самые важные объекты промысла – морской заяц (лахтак) и кольчатая нерпа (акиба). Мясо этих зверей очень вкусное, нерпичий жир используют для приготовления различных блюд и пьют просто так, «для здоровья». Шкуры лахтака идут на изготовление подметок к торбазам и ремней для соединения всевозможных деталей, прежде всего, лодок и нарт. Кроме того, лахтачьи шкуры и ремни из них до сих пор являются важным товаром в меновой торговле морских охотников и оленеводов, которые плетут из них чаты (арканы) для ловли оленей.

Из шкур и кожи (мандарки) нерпы акибы до сих пор шьют одежду, в основном непромокаемые штаны для работы на льдах, и верх торбасов, а

также жилеты, сумки и многое другое. Нерпичьи шкуры, снятые «чулком», до сих пор считаются лучшими поплатками на промысле морского зверя.

Два другие вида тюленей, ларга и полосатый тюлень (крылатка), не столь многочисленны и не играют существенной роли в традиционном хозяйстве морских охотников.

Белый медведь

Белый медведь как бы соединяет в себе зверей моря и суши. Он прекрасный пловец и легко передвигается по земле и льдам, к которым очень привязан.

Этот зверь, как и полосатый тюлень (крылатка), более других страдает от резкого сокращения льдов в Арктическом бассейне, его численность неуклонно сокращается.

Регулярные находки в древнеэскимосских могильниках ритуальных фигурок белых медведей и их изображения современными граверами на моржовых клыках указывают на важное место белого медведя в культурной традиции морских охотников Чукотки.

Наземные звери

Охотники считают, что звери, подобно людям, бывают разными – добрыми и жадными, смелыми и трусливыми. Для каждого зверя нет образа-маски, как у русских: лиса всегда хитрая, волк всегда глупый и т. п. Например, в сказаниях эскимосов-чаплинцев волки могут быть мудрыми и справедливыми судьями и, напротив, глупыми и жадными. Вот что сказал эскимосский охотник Маля в 1930-х гг. инженеру-землеустроителю В. Шаталову: *«Наши люди никогда не стреляют в зверей, если они идут своей дорогой и не нападают сами. Зверь тоже много понимает. Если обидеть зверя, он после сам тебе очень плохо сделает. Обиженные волки придут потом к стаду, разгонят оленей. Могут много оленей убить просто так, по злобе. Не для еды. Бросить их. Старики учили нас жить с волками в дружбе. Зря их не обижать».*

Священные животные

Очень уважительно относятся охотники, особенно эскимосы, к косатке, считая этого зверя мужчиной-охотником. Вплоть до конца XX века в Сирениках рулевые на байдарах, приметив косаток, сыпали им в море чай и табак, а если табака не было, крошили сигареты. Морские охотники видят в

них своих помощников: косатки пугают моржей, которые выскакивают из воды и становятся лёгкой добычей стрелков. На косаток никогда не охотились, пожилые охотники до сих пор стараются не трогать и волков. Оба зверя – священные животные в традиционной морской культуре Восточной Чукотки.

Рыбы и беспозвоночные

Вторым важнейшим источником животного белка и жиров для жителей Восточной Чукотки являются рыбы. Чаще всего в летних уловах проходных лососевых преобладают голец арктический и горбуша, реже попадает кета, и совсем редко – чавыча. На юго-западном побережье обитает популяция нерки, или красной (сама рыба и ее мясо имеют интенсивный красный цвет). Коренные жители очень любят нерку, особенно в копченом виде.

Однако общий промысловый запас внутренних водоемов Чукотского полуострова невелик. Гораздо больше рыбы коренные жители издавна ловят в море (сайка, навага, треска, камбала, бычки). Коренные жители поселков Провидения и Новое Чаплино, помимо рыбы, ловят еще одно морское животное – асцидию, или упу.

Упа и другие беспозвоночные – крабы, креветки, морские ежи и морские звезды, мелкие осьминоги, моллюски (мидии, рапаны, трубачи), а также водоросли (морская капуста) – важные компоненты национального рациона эскимосов и береговых чукчей.

Птицы

Для коренных жителей Восточной Чукотки птицы – третий по значению источник белковой пищи. Важную роль в питании эскимосов и чукчей играют гуси и утки, а также крупные кулики. На Восточной Чукотке гнездятся четыре вида гагар, которые считаются священными у многих народов мира. Но эскимосы и чукчи едят их, а священной птицей эскимосов является маленькая, невзрачная, но очень редкая птичка – короткоклювый пыжик. Существенный вклад в питание жителей вносят и колониальные морские птицы. Коренные жители едят молодых морских птиц и собирают их яйца – в основном яйца двух видов кайр, толстоклювой и тонкоклювой. И эскимосы, и чукчи знают о возможности второй кладки яиц у этих видов и потому рассчитывают время сбора таким образом, чтобы птицы успели отложить яйца второй раз и не остались без потомства.

Растения

Эскимосы и береговые чукчи используют для питания около 60 видов наземных и морских растений, половина которых употребляется наиболее часто. В языках азиатских эскимосов нет единого названия для целого растения, а есть самостоятельные названия для его съедобных частей – например, стебля с листьями или корня. А всё, что не идет в пищу, называется просто «трава» или «цветок».

Сбор и заготовка растений на зиму – важная работа женщин, которую так и называют «женская охота».

Обязательными в питании считаются морские водоросли; их собирают и охотники, когда направляются домой после промысла морского зверя.

В районе Берингова пролива нет дубящих растений, с помощью которых можно было бы продубить кожаную покрышку байдары. Поэтому во время долгих путешествий охотники вынуждены регулярно просушивать покрышки своих лодок, чтобы они зазвучали, как бубен, – только тогда можно вновь отправляться в море.

Промысловое снаряжение

Традиционное оружие и личное снаряжение

Коренные народы Восточной Чукотки – азиатские эскимосы-юпик и береговые (приморские) чукчи – до наших дней сохранили основные компоненты промыслового снаряжения древних охотников на китов, моржей и тюленей. Это кожаная байдара с деревянным каркасом на ременных связях, поворотный гарпун с прикрепленным к нему поплавком из нерпичьей шкуры, упряжки ездовых собак и замечательные нарты, деревянные детали которых собраны тоже на ременных связях. Именно эти изобретения сделали возможным существование человеческих сообществ в экстремальных природных условиях, когда льды 8–9 месяцев в году покрывают морские пространства, дающие людям основные ресурсы для жизнеобеспечения.

Одежда

В зимне-весенний период используется одежда и обувь из натурального меха молодого оленя (неблюя), оленьего камуса и нерпичьих шкур. Нижняя кухлянка и нижние штаны делаются из шкуры неблюя и надеваются мехом к телу. Верхнюю кухлянку шьют из шкуры оленя мехом наружу. Важнейшая часть экипировки морских охотников – камлейка. Эта легкая верхняя одежда с капюшоном закрывает верхнюю кухлянку, от которой видны воротник и меховая опушка рукавов и низа.

Торбаса, торбаза (меховые сапоги) сделаны так. Голенище – из шкуры кольчатой нерпы или оленьего камуса, подошва – из кожи лахтака. Внутри, на подошву, укладывается сухая трава. Для большего тепла на ноги одевают меховые носки (чижи) из оленьего камуса. Для работы в море предпочитают нерпичьи торбаза – они не пропускают воду и не так сильно портятся от соленых брызг, как торбаза из оленьего камуса. Охотники северного побережья иногда делают подошвы торбазов из шкуры белого медведя. Современную одежду охотники зимой не носят, поскольку она хуже, чем традиционная, сохраняет тепло.

Средства передвижения

Лодки и собачьи упряжки

Традиционные транспортные средства морских охотников Восточной Чукотки: в море – каркасные лодки-байдары, обтянутые шкурами моржей и лахтаков, на суше и льдах – собачьи упряжки. В XIX веке к байдарам добавился деревянный вельбот, а в наше время – металлические и резиновые лодки, а к собачьим упряжкам – различные виды снегоходов и вездеходов. Тем не менее, древние виды транспорта не потеряли своего значения и сегодня.

Байдара

Байдары эскимосов и чукчей – это открытые сверху каркасные лодки различных размеров и назначения. Большие байдары были транспортными судами для дальних поездок. Они достигали в длину 20 метров и поднимали свыше 4 тонн груза или 25–30 человек. На Чукотке они давно вышли из употребления, лишь кое-где ещё можно было встретить их полуразрушенные каркасы.

Искусство построения средней, или промысловой, байдары-аньяпик почти исчезло к 1970–1990 гг. и сохранялось в тот период лишь в поселках Сиреники и Нутепельмен.

Практически во всех поселках Восточной Чукотки используют маленькие байдарки. С их помощью ставят сети, с них ловят рыбу и охотятся на мелких ластоногих, на них даже преодолевают небольшие расстояния по морю в штитель.

Вельбот и металлические лодки

Деревянные лодки, вельботы, которые первоначально использовались европейцами и американцами только для охоты на китов, появились у коренных жителей Восточной Чукотки во второй половине XIX века, когда в их воды пришел коммерческий китобойный промысел. Это маломерное судно прижилось в селениях, расположенных в лагунах, бухтах и заливах, где его можно поставить на якорь.

Ездовые собаки

На Чукотке ездовые собаки всегда были важнейшим средством в системе традиционного промысла. Они обеспечивали зимнюю морскую охоту на тюленей с припайного льда и с дрейфующих льдов, а также связь между посёлками.

Охота на моржа

Покол на лежбище и воде. Моржей колют поколочными копьями (пиками) на береговых лежбищах и воде. Опытный охотник закалывает моржа на берегу в считанные секунды, направляя удар копья точно в сердце – зверь умирает моментально, даже не двинувшись с места.

Охота на льдах. Этот вид промысла ещё 15–20 лет назад был основным, но в последнее время он существенно сократился, поскольку многолетних плавучих льдов, подходящих для залегания этих тяжёлых зверей, стало недостаточно, и они вынуждены теперь выходить для отдыха на берег.

Охота на плаву. Добыча моржей на плаву, то есть на чистой воде, ведётся бригадами морских зверобоев с байдар, вельботов и моторных лодок во всех береговых посёлках. Охотники выстрелами сгоняют плывущих моржей в

плотную группу, используя при этом и специальную хлопушку из китового уса или полосы амортизационной резины. Удары по воде хлопушкой имитируют удары хвостовых плавников косатки, злейшего врага моржей. Такие удары пугают и дезориентируют моржей, и они становятся лёгкой добычей охотников. Убитый морж тонет практически моментально, поэтому охотники сначала гарпунят нескольких зверей и стреляют только после того, как прикрепят к ним поплавки.

Охота на серого кита

Представленные фотографии показывают совместную охоту на серого кита зверобоев двух посёлков – Янракыннот и Новое Чаплино.

Духовные и культурные традиции

Люди Берингова пролива – величайшие в мире охотники на китов, моржей и тюленей, весь их быт, культура и языки пронизаны ощущением своей неразрывной связи с природой и морским промыслом. Ветры, течения, льды, туманы, приливы и отливы, всё это и есть жизнь морских охотников, в центре которой морские звери, птицы, рыбы. Охота доставляет эскимосам и чукчам, как и другим древним народам, самое большое удовлетворение, она и есть их настоящая жизнь. Эти люди живут не для того, чтобы покорять природу, а для того, чтобы быть с ней в согласии, сохранять свои традиции и обычаи, свой особый взгляд на мир.

В основе традиционных представлений морских охотников Берингова пролива лежит понимание взаимодействия всех объектов природы, включая человека, их постоянного перетекания, перерождения друг в друга.

Важным элементом морской зверобойной культуры является система календарных праздников, поддерживающих охотничью удачу. Эта система очень похожа у эскимосов и чукчей.

Самыми важными были следующие праздники: Первого спуска байдары, Молодого охотника, Моржовых голов, Кита, Благодарения духов, Зимнего солнцестояния. На этих праздниках мальчики начинали знакомиться с делом всей своей жизни – охотой на морских зверей.

Священные кости и камни

Жители Берингова пролива считают, что зверя не убивают, он приходит в гости к тому, кто первым его увидел и сам встаёт под выстрел охотника. Погостит, отдаст своё мясо и шкуру и снова уйдёт в море. Уходящий из гостей зверь должен иметь кости целыми, а мясо потом нарастит на них сам. Поэтому разделка морского зверя традиционно проводится по естественным членениям (суставам). Черепа, в которых обитают души животных, ещё в середине XX века выкладывали в священные линии, кольца и кучи.

Каждое древнее и старое традиционное селение эскимосов Чукотки обладало системой культовых сооружений, построенных из китовых костей, черепов моржей и белых медведей, а также из камней.

Череп и нижние челюсти гренландских китов почитались особенно. По словам Л. Кутылина, череп и челюсти гренландских китов ставили, «чтобы предки видели, как мы помним о них, как соблюдаем традиции». Старики любили сидеть возле них – по традиционным представлениям, гренландский кит более, чем любой другой зверь, помогал обдумывать прошлое и одновременно давал духовные силы, чтобы заглянуть в будущее. Самым известным памятником морской зверобойной культуры, построенным из нижних челюстей и черепов гренландских китов, является «Китовая аллея», открытая в 1976 году этнографом М.А. Членовым на острове Ыттыгран.

Непременным атрибутом древних поселков являются поля вертикально поставленных священных камней-менгиров высотой от 30 см до 1 м и более. К менгирам не полагалось ходить «просто так» – их посещали только для проведения ритуалов, которые не сохранились до наших дней.

Почитались также скалы и естественные камни-«скульптуры» необычной формы – например, напоминающие людей *кекуры* (*кекур* – столбообразная или конусообразная скала естественного происхождения) мыса Чукотский (по-эскимосски – *Югыгыт*, что значит «человечки») или удивительные по форме *кекуры* на вершине мыса Кригуйгун, который разделяет два залива Берингова моря – Лаврентия и Мечигменский.

Самое загадочное культовое сооружение Чукотского полуострова – обширное поле сложных выкладок из небольших камней, огороженное невысокой (до 30-40 см) однорядной каменной стенкой. Оно расположено неподалеку от давно заброшенного селения Сингак.

Традиции в современной жизни

Что же представляет собой культура современных морских охотников? Что они сохранили из традиционных обрядов своих предков?

Из старинных обрядов сохранилась церемония кормления духов всеми, кто прибыл в новое, не знакомое прежде, место. Они обычно разводят небольшой костер и кидают в него «долю духов» от целых (нераскрытых) пачек сахара, чая, печенья. Только после этого начинают устраиваться на новом месте.

Семьи, где есть люди старшего поколения, сохранили свои семейные праздники и обряды, но обычно проводят их в узком кругу.

Кое-где в поселках восстановлены некоторые общественные праздники. Например, Праздник первого кита был возрожден в 1980-х гг. в тех поселках, куда приходило китобойное судно «Звездный». Поначалу жители не считали этот праздник настоящим – ведь не они добывали этих китов. Однако большое уважение, с которым все охотники относились к капитану «Звездного» Л.М. Вотрогову, сделало свое дело, и праздник постепенно прижился на Чукотке.

Все женщины старшего поколения, независимо от своей профессии, являются замечательными мастерами прикладного искусства. Все они могут шить кухлянки, торбаса, меховые тапочки и многое другое.

Традиции гравировки и резьбы по кости, заложенные тысячелетия назад в ритуальных орнаментах и мелкой скульптуре промыслового снаряжения древних охотников Берингова пролива, получили развитие в XX веке. Уникальное косторезное искусство эскимосов и чукчей в наше время широко известно в мире.

Важно подчеркнуть, что азиатские эскимосы-юпик и береговые чукчи – это совершенно разные народы по своему происхождению, их языки принадлежат к разным, не родственным, языковым семействам. Однако в течение веков эти народы создали единую морскую зверобойную культуру на основе культуры древних эскимосов Берингова пролива. Многие столетия эскимосы и береговые чукчи взаимно обогащают друг друга знаниями о природе, культурными традициями, духовной практикой. И ни один из народов не стремится стать главным и подавить культуру и язык своих соседей.

Раньше существовала особая связь между людьми в море (охотниками) и теми, кто остался на берегу (семьи охотников, остальные жители поселка).

Вот что говорит об этой традиции Людмила Айнана: *Ушедшие в море, как нитями, связаны с теми, кто на берегу. Поэтому береговым нужно правильно себя вести и, главное, ждать. Мы не садились ужинать, пока охотники с моря не вернуться. Старики наши сидели на специальных местах и смотрели, смотрели в море, чтобы дать знак о возвращении. Весь поселок спешил на берег помочь пристать, вельботы вытащить, добычу встретить. Раньше жена добывшего встречала убитого зверя, как гостя. Специальный обряд был. Потом добычу делили, одиноких стариков, сирот, бедных людей никогда не забывали. Хороший охотник кормил не только семью, но и многих, даже неродных.*

Жители Чукотки об изменении климата

У коренных северян главные для жизни сведения человек приобретает не из книг, а слушая и наблюдая за действиями других людей. Так учатся видеть море и тундру, правильно одеваться, безопасно передвигаться по льду, выжить в непогоду, обеспечивать себя и своих близких. Этим объясняется многое в характере эскимосов и чукчей: их умение наблюдать и слушать, внимание к природе и ее изменениям, а также готовность делиться своим опытом с теми, кому он нужен.

Морские охотники, ведущие зверобойный промысел в регионе Берингова пролива, накопили богатейший опыт предсказания погодных условий. Народные знания о погоде и льдах и прогнозы погоды могут быть местными (например, конкретный поселок и его ближайшие окрестности) или охватывать значительную площадь. Они могут быть кратковременными (день или сутки), среднесрочными (от недели до месяца) и долгосрочными (от года до двух–трех лет). Эти знания и навыки предвидеть погоду и состояние моря и льдов передавались от отца к сыну, от старшего поколения к младшему.

Определенные выводы о характере современных изменений климата, а также об их влиянии на природные системы региона Берингова пролива можно сделать по наблюдениям в течение последних тридцати лет одного из авторов настоящего очерка (Л.С. Богословской) и по результатам многолетнего мониторинга жителей Восточной Чукотки.

1. С конца 1980-х – начала 1990-х гг. стала меняться продолжительность сезонов года, и в результате к настоящему времени осень и весна «выросли» за счет зимы. Весна на Чукотке сейчас начинается раньше на 20–30 дней. В середине мая по проталинам уже цветет тундра, проходят грозы. Многие птицы прилетают на месяц раньше, в конце апреля – начале мая, вместо начала июня, как в прежние годы. Осень продолжается до середины ноября (речная вода не замерзает, на море мало льда), а прежде уже в середине сентября наступали морозы. Становление однолетнего морского льда протекает на месяц позже; в начале 1980-х гг. прочный припайный лёд устанавливался уже во второй половине октября. В целом, осень длится сейчас на месяц-полтора больше, чем прежде. Зимой во многих районах случаются неоднократные потепления с дождями, грозами и ураганами. Реки стали полноводнее, некоторые из них практически не замерзают круглый год. Разница температур между поселками, удаленными друг от друга на расстояние 60–120 км, иногда достигает 6–8°C. Вместе с тем, нужно отметить, что в последние два–три года на побережье в январе–феврале наряду с потеплениями наблюдаются сильные морозы.
2. Уменьшение ледовитости морей. Резко снизилось количество многолетних льдов в бассейне Ледовитого океана, прежде всего, в Чукотском море.
3. Из-за позднего ледостава и отсутствия паковых льдов (т.е. многолетних льдов мощностью не менее 3-х метров), которые сдерживают осенние шторма, резко меняется береговая линия Чукотского полуострова. В некоторых местах (например, в районе села Лорино) осенне-зимними штормами полностью смыло песчаные пляжи, разрушены многие намывные косы и бары. Есть участки, где суша за последние годы отступила на 15–50 метров.
4. Петр Тыпыхкак, один из опытейших морских охотников (село Сиреники, 1999 г.), говорил, что стало намного труднее предсказать погоду – произошло очень много изменений, и теперь «море и облака не соответствуют друг другу, а погода меняется слишком быстро».
5. Повсеместно происходит оттаивание вечной мерзлоты. Населенные пункты, построенные на линзах подземных льдов, например, село Лорино, находятся в бедственном состоянии – под домами проседает грунт, и они проваливаются.

6. Чукотский полуостров, особенно его восточная часть, – тектонически активная зона. Берега здесь погружаются в море, что заметно усиливает воздействие осенне-зимних штормов на побережье. За последние 30–40 лет отступление береговой линии из-за опускания суши в некоторых местах составило от 3 до 10 метров – например, на острове Ыттыгран (район «Китовой аллеи»), на острове Аракамчечен (мыс Кыгынин) и на некоторых участках побережья.
7. Потепление привело к проникновению на Чукотский полуостров более южных видов растений и животных. На полуострове, например, случаются встречи с лосями и рысями.
8. Климатические изменения привели к заметному ухудшению условий существования холодолюбивых морских животных, прежде всего, ластоногих и белого медведя. Из-за снижения ледовитости Берингова моря произошло массовое перемещение моржей в Арктический бассейн. Прочных льдов теперь не хватает даже в Чукотском море, и моржи, которые всегда предпочитают держаться на льдах, вынуждены теперь и в зимний период выходить на берег. Трагически складывается судьба белых медведей. Сокращение площади морских льдов привело к резкому снижению численности кольчатой нерпы, основной добычи этого зверя. В поисках пищи и мест для отдыха медведям приходится теперь проплывать огромные расстояния на пределе своих физических возможностей, а также намного чаще выходить на материковое побережье и кормиться на помойках по окраинам поселков.
9. Изменения климата оказывают непосредственное влияние на традиционные формы природопользования эскимосов и береговых чукчей. Изменившиеся условия ледовитости в прибрежных водах сильно затрудняют зимой выход в море на вельботах и байдарках, а также передвижение охотников по дрейфующим и припайным льдам.

Что предпринимали коренные жители при потеплении в прошлом, например, во второй половине 1930-х гг., когда несколько лет подряд было теплее, чем сейчас, эту проблему в каждом поселке решали по-своему, а селения-соседи часто выбирали сходную тактику и даже объединялись.

Охотники востока и юго-востока Чукотского полуострова уходили за морским зверем на север, в Арктический бассейн. Так, в 1970–1972 гг. эскимосы-зверобои села Сиреники, договорившись с общиной чукчей села Янракыннот, добывали моржей в их водах. Кроме того, они ходили на

промысел и к Уэлену. Жители, оставшиеся дома, увеличивали заготовку дополнительных ресурсов. Рыбная ловля, охота на птиц, сбор яиц на птичьих базарах и другие виды собирательства становились главным занятием и основой запасов пищи на зиму.

В особенно тяжелые годы прибрежные сообщества Восточной Чукотки меняли место жительства. В конце XIX–начале XX вв. многие эскимосы во время голодовок перебрались на остров Св. Лаврентия, принадлежащий США, и теперь их потомки – американские граждане, имеющие общую культурную и языковую среду с азиатскими эскимосами, прежде всего, с эскимосами-чаплинцами.

Наконец, некоторые чукотские семьи зверобоев в тяжелые времена перебирались в тундру, к своим родственникам-оленеводам. Оленеводы же бескорыстно приходили на помощь голодающим жителям побережья. Эскимоска Людмила Айнана вспоминает: охоты долго не было, и члены ее семьи уже не могли ходить, только лежали и сосали лахтачьи ремни и куски моржовой шкуры от покрышки яранги. Вдруг послышалась чукотская речь: это оленеводы пригнали оленей, забили их, сначала понемногу отпаивали голодающих крепким бульоном, а потом кормили мясом. Так и спасли своих соседей.

В заключение нужно еще раз напомнить, что коренные жители региона Берингова пролива создали эффективные способы поддержания высокого качества окружающей среды, благодаря чему смогли не только обеспечить свое устойчивое существование в течение тысячелетий, но и передать нам в наследство самые богатые экосистемы Арктики.

Источники

1. Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Китовая Аллея. Древности островов пролива Сенявина. М., Наука, 1982.
2. Богданович К.И. Очерки Чукотского полуострова. СПб., 1901. 239 с. + XX табл. + 4 карты.
3. Богораз, В. Чукчи. Записки Американского музея естественной истории. Лейден – Нью-Йорк, 1904. Ч. 1. С.128.

4. Богословская Л., Слугин И., Загребин И., Крупник И. Основы морского зверобойного промысла. Научно-методическое пособие. М.–Анадырь: Институт Наследия, 2007.
5. Вдовин Б.И. Инструментальные данные об изменении климата Чукотки // Наши льды, снега и ветры / Богословская Л.С., Крупник И.И. (сост. и ред.). М.–Вашингтон, Институт Наследия, 2013. С. 277.
6. Вдовин И.С. История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1987.
7. Кавры В., Болтунов А. 2006. Наблюдения коренных жителей прибрежных районов Чукотского автономного округа об изменении климата. Отчет по проекту Арктической климатической программы Всемирного фонда дикой природы (WWF), выполненному WWF России. Москва, Всемирный фонд дикой природы, 2006.
8. Конюхов Н.Б., Богословская Л.С., Звонов Б.М., Ван Пельт, Т.И. 1998. Морские птицы полуострова Чукотка. Россия // Арктика. 51 (4). С. 315–329.
9. Крупник И.И. (сост). Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975-1987 гг. М.: Институт Наследия, 2000.
10. Крупник И.И., Членов М.А. 1979. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в.–1970-е гг.) // Советская этнография. № 2. С. 19-29.
11. Леонтьев В.В. 1972. Этническая история поселка Уэлен // Краеведческие записки. Вып. 9. Магадан. С. 83-94.
12. Млекопитающие Советского Союза. Ластоногие и зубатые киты / Ред. Гептнер В.Г. М., Высшая школа, 1976. 718 с.
13. Наши льды, снега и ветры / Богословская Л.С., Крупник И.И. (сост. и ред.). М.–Вашингтон, Институт Наследия, 2013.
14. Рубцова Е.С. Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект). Ч. 1. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1954.
15. ТЭО, 1991. (Богословская Л.С., Красилов В.А. (научн. рук.). Техно-экономическое обоснование создания комплекса особо охраняемых территорий и акваторий в районе Берингова пролива. СПб.: Ленгипрогор Госкомархстроя РСФСР. Рукопись. 273 с.

16. Alaska's Fish: A Guide to Selected Species (1996). Anchorage, ANWB. Pp. 24, 38, 44.
17. Alaska's Mammals: A Guide to Selected Species (1995). Anchorage, ANWB. Pp. 18, 24.
18. Bogoslovskaya, L.S. (1993). List of the villages of the Chukotka Peninsula (2000 B.P. to present). // Beringian Notes. NPS, Alaska Region. V. 2, No. 2, 1993. C.2–11.
19. Krupnik, I., Bogoslovskaya, L. (1999). Old Records, New Stories. Ecosystem Variability and Subsistence Hunting in the Bering Strait Area // Arctic Research.
20. National Audubon Society (1990). Beringia Conservation Program. Alaska-Hawaii Regional Office.
21. Sea World of California (1998). San Diego. Pp. 20-21.
22. Scammon, Ch.M. (1874). The marine mammals of the northwestern coast of North America, Together with an account of the American Whale-Fishery, San Francisco, John H. Carmany and Co, 1874; New York, Dover Publication, 1968.
23. Wexo, J.-B. (1987). Whales Zoobooks. San Diego, Frye & Smith. Front cover.

Об авторах

Людмила Сергеевна Богословская – заведующая сектором традиционного природопользования Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (г. Москва).

Игорь Ильич Крупник – куратор арктических коллекций Национального музея Естественной истории Смитсоновского института (г. Вашингтон, США).

Фотографии любезно предоставили А. Апалю, Л. Аронова, С. Богословский, А. Боровик, В. Голбцева, И. Загребин, В. Звонов, С. Кавры, Н. Калюжина, Н. Кондаков, К. Кондратьев, Н. Конюхов, А. Кочнев, А. Куцкий, А. Лемберг, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Музей культуры народов Востока, А. Оттой, Н. Перов, К. Порсилд, Природно-этнический парк «Берингия», К. Савва, О. Смолий, С. Халанский, Н. Хохлов, А. Чубаркин.

Рисунки любезно предоставили В. Аронов, С. Богословский, Д. Васюков, С. Исакова-Тагъёк.